

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ? ПОСВЯЩЕНИЕ Ю.В. БАБИЧЕВОЙ

...Есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.
А.С. Пушкин

Конец девяностых – начало двухтысячных. «Золотая эпоха» филфака минувшего полувека. Юлия Викторовна Бабичева – профессор, учитель, просветитель была одной из самых ярких и взыскательных фигур того времени. Человек гордой осанки, мощного интеллектуального посыла и душевной гармонии. Сказать, что Юлию Викторовну любили все, – это будет слишком по-юбилейному. Сама она очень чутко улавливала любую фальшь. Как человек одаренный, увлеченный театром и литературой, много лет проработавший в администрации вуза, она нетерпимо относилась ко всему показному, чрезмерному. И в то же время, соблюдая дистанцию, всегда находила теплое слово поддержки, легко могла сказать что-то комплиментарное. В общей, дисциплинарно суровой атмосфере вологодского филфака ее реплики, живые реакции, независимая ни от кого оценка всегда были светлым и теплым лучом радости.

*Кандидат филологических наук,
доцент Ю.В. Бабичева (1960 г.)*

* * *

Пожимая плечами

Мое первое знакомство с филфаком было поделовому будничным. Замдекана, Л.И. Пергамент, приветствуя меня на факультете, решительно сказала: «Пойдем, я покажу тебе аудитории. Тут ты будешь читать лекции». Мы пошли вдоль длинного, плохо освещенного коридора второго этажа. «А здесь – проводить семинарские занятия». В скором времени все закрутилось – учебный год набирал обороты, но по-

требности присутствия на кафедре литературы (в кафедральном кабинете) особой не было. Иногда меня приглашал туда зайти сам заведующий. У него уже был свой новый отдельный кабинет, но довольно длительное время на кафедре оставался его рабочий стол. Где кто сидит, какие существуют правила и каков распорядок работы кафедры – всего этого я тогда еще не знала. И свой первый приход я помню достаточно отчетливо. Я вошла, поздоровалась и села на стул. На кафедре в этот момент было еще человека три. В воздухе повисла пауза. Сколько их еще будет потом этих многозначительных филфаковских пауз!

– На этот стул садиться нельзя, – не без иронии в голосе сказала мне одна из коллеганок.

– Почему? – спросила я.

– Это стул Юлии Викторовны Бабичевой.

– Хорошо. – Весело откликнулась я. – Но вы же подскажите, когда она придет? Я сразу же освобожу это место.

– Вы не поняли, – спокойно повторил один из голосов. – Это стул Юлии Викторовны Бабичевой!

Я спорхнула на какой-то другой:

– А здесь сидеть можно?

– Сидите – дружелюбно раздалось в ответ.

«Ну и дела!» – подумала я, пожав плечами.

Уже много позже, услышав об этом, Юлия Викторовна рассмеялась: «Нравится? Сиди!» При этом делая свой коронный жест – поведя плечом и встряхивая непослушную челку. В этом движении плеч были свои нюансы – протеста, удивления, недоумения и т.д. Что-то неуловимо театральное и очень мне понятное и близкое. В жизни всегда есть место ситуациям, когда спорить, что-то доказывать, объяснять нет смысла, а можно только... пожать плечами. Позиция! Как часто в последнее время я стала пожимать плечами, совсем как Она...

*Ю.В. Бабичева накануне защиты
докторской диссертации (1971 г.)*

* * *

Юлия Викторовна могла бросить острую, по существу, резкую реплику, но своих – коллег, учеников (круг этот был довольно большим) – оберегла и мудро подбадривала:

– Ну, и что у тебя за повод для грусти?

– Да вот. Учительница опять Грише в дневнике запись оставила, а я не знаю, как реагировать. (Мой сын Гриша учился тогда во втором классе 17 школы.)

– А что за запись?

– «Думает только о собственном благополучии».

– Ну, и прекрасно. И правильно.

– Так это же она об эгоизме...

– Пусть. Пусть Гриша думает о себе. А о ком еще? О ком он должен думать? Разве он должен думать о том, как будет лучше для учительницы? Еще чего! Здесь даже и обсуждать нечего.

Все это произносилось Юлией Викторовной твердо, непоколебимо, и переживания действительно отходили на второй план, освобождая место уверенности, что, наверное, все не так и плохо, и – обязательно наладится.

Какие-то важные и, как мне казалось, сложные вещи она объясняла на «раз-два». Когда на совете факультета меня поздравили с защитой диссертации, уже на кафедре Юлия Викторовна сказала:

– Ну, вот. Теперь тебе осталось получить еще один диплом и два аттестата.

– А почему два?

– Сейчас, а потом за докторскую степень, ты получишь диплом, а за научные звания – аттестаты. Сначала будешь доцентом, а потом – доктором.

Это звучало очень живо и весело. Мне импонировало отношение Юлии Викторовны к подобным жизненным шагам как само собой разумеющимся. Все просто! И ничего сложного!

В другие дни Юлия Викторовна репликой останавливала, провоцировала на размышления.

– Почему Вы никогда не рассказываете нам о войне?

– Вы – другое поколение. И вам этого не нужно. К чему?

Объяснить, зачем мне не своя, а ее история, было трудно, а лицо Юлии Викторовны тут же становилось суровее. Возвращаться к исторической травме поколения ей явно было тяжело, а пафос момента или да-ты ей претил.

– Что ты идешь с лицом, как будто ты сейчас мешки таскала?

В тот день мы случайно столкнулись на улице Мира. Профессор заулыбалась, разговор легкий, песенкой. Но на душе у меня беспокойно – ищется нужная фраза в ответ.

– А знаете, вы, наверное, правы, по поводу «тяжелого лица». Я просто так думаю. И мысли даются мне нелегко. Наверное, это и есть мои мешки.

(смеется)

– Ну, вот. Так, все же, лучше.

После таких всполохов ее, маленькую, сухонькую, с повадками балерины, очень хотелось обнять. Но еще важнее было то, что ее симпатия и реакция

рождали мощнейшее душевное поле. С которого срываешься, взлетаешь и... летишь.

Я никогда не была у Юлии Викторовны дома.

– Так в чем дело? Хочешь – приходи.

Мы условились. Но в тот момент на факультете шли защиты дипломов, и моя студентка неудачно выступала. Да и сама работа была «удовлетворительной», а Юлия Викторовна была нашим рецензентом. Как же в тот момент мне хотелось все поменять! Я мучительно искала точку неслучившегося со студенткой контакта и не находила.

Эта защита далась мне тяжело.

– Почему ты не пришла?

– Я не могу. Мы так слабо защищались.

– Бог с тобой. Какое это к Тебе имеет отношение?

– Прямое. Я сейчас не могу. Можно я потом, в другой раз?

Уже много позже, Юлия Викторовна со свойственным ей артистизмом рассказывала: «Вы представляете, *это* ее останавливает!» А в голосе слышались нотки, по которым угадывалось: одобряет. Понимает, откуда что идет и в чем причина этого самокопания.

Еще мне запомнилось то, как щедро Юлия Викторовна откликалась на профессиональные запросы, как легко расставалась с идеями и книгами из своей библиотеки: «Это тебе. Тебе это сейчас важнее». Так ко мне перекечовало брошюрованное издание статей Лотмана, работы по культурологии, одна из книг по ее любимому Серебряному веку.

– Юлия Викторовна! Я не могу ее взять!

– А в чем дело?

– Тут написано: «Легендарной Бабичевой от...».

– Давай ручку. – И Юлия Викторовна вывела своим вняттым разборчивым почерком:

«От легендарной Юлии Бабичевой стремящейся в легенду Людмиле Якушевой».

* * *

Борьба с формализмом

Продираясь сквозь современные бумажные джунгли образовательного процесса, я часто слышу вняттый голос Юлии Викторовны (который в чем-то стал своим, внутренним):

– С позиции какой оценки читать этот текст? Тройки, четверки или пятерки?

В этой фразе не было лукавства. Ситуация рядом с этой репликой, ее контекст (рецензирование студенческой работы) отражали степень того доверия к университетскому преподавателю, которая культивировалась в 90-е и нулевые, до 2008 года. Кому, как не педагогу-руководителю, было знать, с каким багажом знаний пришел студент, как давался ему материал, сколь много он успел, смог сделать и освоить. Всю творческую «кухню» преподавательской деятельности описать сложно. В ней всегда переплетены навыки и интуиция, и не все подвергается измерительному подходу.

Юлия Викторовна доверяла себе, доверяла своим коллегам. Это обязывало. Нет большего огорчения

учителю, чем неудачи учеников, и нет строже цензора, что сидит внутри нас.

«Нет единых критериев, каким именно должен быть научный текст, – вразумляла профессор. – Текст должен быть живым и интересным. Нет ничего хуже схоластики и формализма!»

Действительно нет.

Коллеги с Ю.В. Бабичевой

* * *

За что я любила и люблю кафедру литературы, так это за среду. Здесь не бывает места досужим разговорам, всегда – по поводу, в связи, с интересными пояснениями.

Юлия Викторовна любила рассказывать. Делала это с удовольствием и артистично. Многие ее истории касались абсурдности советской действительности (о том, например, как ее, принимая по анкете в роддом, переспрашивали, какой у нее пол: мужской или женский). Попробую воспроизвести одну из историй о ее первой заграничной поездке на Южный берег Франции так, как она мне запомнилась.

«Это было в 1958 году. Европейские двери только-только приоткрывались для сотрудничества и туризма. Намечалась официальная поездка по культурному обмену между странами. Была собрана команда представителей советской молодежи, у которой имелись какие-то особые заслуги. У меня были заслуги в области научных достижений. Нас долго и тщательно проверяли и готовили. В том числе информировали о том, как мы должны были себя вести на территории капиталистического государства. Для одежды тоже был предусмотрен дресс-код. Было лето и очень жарко. Нашей девичьей части делегации повезло, потому что можно было ходить в легких платьях и сарафанах (запрет касался ношения девочками брюк). А вот мужчины должны были все время ходить в костюмах, не снимая пиджаков. Это в жару-то. После официальных мероприятий мы гуляли на набережной. Нестерпимо хотелось купаться, а кабинок для переодевания не было. Тогда наши мужчины встали в круг, сняли пиджаки, устроив тем самым некую закрытую от глаз зону, где мы, как-то неудобно корячась, переодевали купальники. В это время из ближайшего кафе выбежала худенькая молоденькая девушка. Наверное,

официантка, сняла летнее легкое платице, оставшись топлесс, подбежала к морю, искупалась, набросила свой наряд, при этом быстрым движением переодев свои плапочки – не в мокрых же ходить – и тут же убежала по лесенке вверх. Никто не обратил на нее внимания. Все было естественно и натурально: жаркий день, девушка искупалась и побежала по своим делам. А тут – русские, и такой конфуз. Мы ловили недоуменные взгляды французов: чего, мол, делают эти странные люди, и к чему устроили весь этот балаган? Все это было так неуклюже, неловко. Правда же, очень смешно?»

В моей памяти так и осталась картинка: Юлия Викторовна сидит на стуле, как в кресле, слегка покачивая своей изящной ножкой, и рассказывает, рассказывает и... смеется. Блистательная, ироничная, восхищающая и вдохновляющая! Одна из самых прекрасных и красивых женщин, которые встречались в моей жизни.

М.А. Вавилова и Ю.В. Бабичева

* * *

Шел юбилейный совет факультета. Весь филфак в сборе представлял яркое и красивое зрелище. Почетная профессура в первых рядах, гости, преподаватели, на галерке – смеющиеся студенты. Май, предощущение завершения года и чудесное событие – день рождения любимой Юлии Викторовны – и много-много цветов.

По обыкновению вела собрания Маргарита Александровна Вавилова, но в тот день основным распорядителем был заведующий кафедрой литературы Сергей Юрьевич Баранов. На многих тогда его речь, состоящая из классических 3-х частей, произвела неизгладимое впечатление. Во-первых, присутствующим был представлен феномен Юлии Викторовны в виде семиотической модели. Затем Сергей Юрьевич прочел текст, который обычно хранится в личной папке преподавателя в отделе кадров и мало кому известен. В тот день обычная характеристика на профессора Бабичеву, написанная сухим языком цифр и фактов, как нельзя лучше очерчивала значение этой фигуры для факультета, университета и города в целом. Меня потом переспрашивал профессор А.В. Камкин (к тому времени я уже работала на двух кафедрах), правда ли, что это обычная характеристика? У меня не было сомнений. Сергей Юрьевич продумывал детали даже таких формальных, с точки зрения

административной элиты, документов. Каждое слово было взвешенным и выверенным – как в мраморе, и на века. Филологическая месса. А в заключение Сергей Юрьевич сказал, как запомнилось следующее: «Были времена, а я имею в виду Средневековье, когда молодые люди учились долго. Они приходили в какой-нибудь город и останавливались послушать местного профессора. А профессор открывал ставни своего дома и читал лекции прямо из окна. Так вот, если представить, что сейчас произошло бы нечто подобное, то, как представляется, именно Юлию Викторовну проще всего представить в этой роли – роли свободно мыслящего, ни от кого не зависящего гумани-

тария с энциклопедическими знаниями и острым умом, который открыт своей аудитории, общению и миру». И после этого, в честь юбилея Юлии Викторовны, грянул дружный хор студенческого гимна «Гаудеамус»:

*Лишь наука на земле
Служит людям вечно.
Славься тот, кто дружен с ней,
Беззаветно служит ей
В жизни быстротечной!*